

УДК 821.161.1-1

**РИТОРИКА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО:
ОРАТОР – ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ****Д. В. Рябиничева, Ю. В. Шуйская**

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи риторических приемов В. В. Маяковского в его лирике и публичных выступлениях. Авторы выявляют точки соприкосновения образа оратора Владимира Маяковского и его лирического героя.
Ключевые слова: *Маяковский, лирика, риторика, образ оратора, лирический герой.*

Зрелищность и реалистичность – главные свойства стихов В. В. Маяковского. Его лирический герой неотделим от личного «я». «Авангардист не может подобно модернисту запереться и писать “в стол”, самый смысл его эстетической позиции – это активное и, как правило, агрессивное воздействие на толпу, которое должно приводить к шоку, эпатажу, скандалу» [9, с. 190]. Таков и был Маяковский: громовой голос, высокий рост, вызывающее поведение, – он желал предстать не перед читателем, а перед зрителем. Стихи были предназначены для прочтения со сцены.

В стихах Маяковского лирический герой неразрывно связан с глобальной, государственной, социальной сферой. Он – своего рода декларация, но декларация уже совсем иного характера, эпатажирующая публику. Сам выход Маяковского на литературную арену под знаменем футуристов уже был знаком привлечения внимания к своей личности.

Воспоминания о публичных выступлениях Маяковского подтверждают, что он старался вести себя в соответствии с основными чертами своего лирического героя, в первую очередь для того, чтобы не разочаровывать публику.

Не случайно самые яркие воспоминания о Маяковском в мемуарах связаны с его выступлениями со сцены – не столько даже со стихами, сколько с призывами. Приведем два примера. В воспоминаниях Дон-Аминадо нарисована следующая картина, относящаяся ко времени Первой мировой войны:

«Газет развелось видимо-невидимо, и большинство из них призывали к сплочению, к единению, к войне до победного конца.

Даже Владимир Маяковский, и тот призывал.

Взобравшись на памятник Скобелеву против дома генерал-губернатора, потный от воодушевления, он кричал истошным голосом:

– Теперь война не та! Теперь она наша! И я требую клятвы в верности! Требую от всех и сам ее даю! Даю и говорю – шелковым бельем венских кокоток вытереть кровь на наших саблях! Уррра! Уррра! Уррра!» [2, с. 610].

Картина чтения стихов Маяковским, относящаяся к гораздо более позднему периоду – 1923 году, – тем не менее очень похожа на цитированные воспоминания Дон-Аминадо. Само описание принадлежит М. А. Булгакову, воспроизводим его по книге М. С. Тартаковского «В поисках здравого смысла»:

«Красочно описывает очевидец Михаил Булгаков “наш ответ лорду Керзону” в середине мая 1923 года: “В Охотном во всю ширину шли бесконечные ряды, и видно было, что Театральная площадь залита народом сплошь... Медные трубы играли марши. Керзона несли на штыках, сзади бежал рабочий и бил его лопатой по голове. Голова в скомканном цилиндре моталась беспомощно в разные стороны. За Керзоном <...> выехал джентльмен с доской на груди: “Нота”, затем гигантский картонный кукиш с надписью: “А вот наш “ответ” <...> А напротив, на балкончике под обелиском Свободы, Маяковский, раскрыв свой чудовищный квадратный рот, бухал над толпой надтреснутым басом: ...британ-ский лев вой! Ле-вой! Ле-вой!

– Ле-вой! Ле-вой! – отвечала ему толпа. Из Столешникова выкатывалась новая лента, загибалась к обелиску. Толпа звала Маяковского. Он вырос опять на балкончике и загремел:

– Вы слышали, товарищи, звон, да не знаете, кто такой лорд Керзон! – И стал объяснять: – Из-под маски вежливого лорда глядит клыкастая морда!!”

(У М. Чудаковой, откуда взято описание, – “клыкастое лицо” с пояснением, что подлинно употребленное слово, видимо, “морда”») [10, с. 139].

Сам Маяковский производил впечатление человека огромного, богатырского роста. Несколько выдержек из воспоминаний о нем: «...увидев еще издали выделяющуюся в толпе посетителей рослую фигуру Маяковского... стоявший на эстраде Владимир Владимирович казался великаном, касающимся бритой головой почти самого потолка» [4, с. 180–182].

В творчестве Маяковского факты биографии подвергаются переосмыслению, и лирический герой наделяется четкими чертами. Эти черты Маяковский старался воплощать и в своих выступлениях на сцене, и в общении с людьми. Именно поэтому восприятие его маски так срослось с восприятием его личности. Как пишет Л. Я. Гинзбург: «Читатели 1830-х годов недовольны были тем, что Бенедиктов, вместо наружности “пламенного поэта”, обладал наружностью “геморроидального чиновника”. Это не случайная читательская придирка. Настоящий лирический герой чаще всего зрительно представим. У него есть наружность. Тынянов говорит о значении портретов Блока. Читатели знали о тяжелом взгляде темных глаз Лермонтова, о росте и голосе Маяковского» [1, с. 152].

Средствами создания этого лирического героя, даже выходящего за рамки поэзии, являются ключевые приемы. Например, это прием гиперболы, представления об огромности поэта, его голоса, объектов во Вселенной, окружающих его: «Солнце! / Отец мой! / Сжалься хоть ты и не мучай! / Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней. / Это душа моя / клочьями порванной тучи / в выжженном небе / на ржавом кресте колокольни!» («Я»); «Я сошью себе черные штаны / из бархата голоса моего. / Желтую кофту из трех аршин заката. / По Невскому мира, по лощеным волосам его, / профланирую шагом Дон-Жуана и фата. // Пусть земля кричит, в покое обабившись: / “Ты зеленые весны идешь насиловать!” / Я брошу солнцу, нагло ослабившись: “На глади асфальта мне хорошо грассировать!”» («Кюфта фата»); «Я жду, / пока, / подняв резную главку, / домовьей слежкой умаяна, / ко мне, / к большевику, / на явку / выходит Эйфелева из тумана» («Париж»).

Сопоставляя приемы в творчестве Маяковского и Блока, И.С. Правдина утверждает: «Герой Маяковского более активно противостоит миру “жирных”; там, где Блок говорит – “Нет!”, Маяковский восклицает – “Долой!”. Романтический контраст героя и “жирных” у Маяковского значительно сильнее. Он подчеркнут фантастическими гиперболами. Лучшие свойства человека, сконцентрированные

в лирике Маяковского, благодаря гиперболе выступают предельно заостренными; это – человечность в ее высшем проявлении» [8, с. 17].

Комментируя гиперболы в творчестве Маяковского, исследователь его творчества З. Паперный пишет: «Сила гиперболы Маяковского – в ее ясной идейной направленности. И вместе с тем – в ее художественной убедительности. Мало связать образ нового мира с солнцем – нужно художественно закрепить, воплотить в живом, человечески непосредственном, индивидуальном образе это гиперболическое сравнение. В противном случае перед нами окажется отвлеченная, худосочная аллегория, которую читатель воспринимает только логически. Образы солнца и поэта покоряют нас тем, что в них воедино слиты идейная сила, значительность и могучее человеческое обаяние» [6, с. 15].

Столь же часто в творчестве Маяковского используется прием реализации стертой, давно употребляющейся в языке метафоры. Примеры этого есть как в его стихах, так и в выступлениях со сцены. В книге Карабчиевского упоминается множество сохранившихся воспоминаний о шутках Маяковского во время выступлений:

- Коля звезда первой величины.
- Вот именно. Первой величины, четырнадцатой степени [3, с. 72].
- Ваши стихи не греют, не волнуют, не заражают.
- Я не море, не печка и не чума [Там же, с. 78].
- Боюсь, присутствующий здесь Маяковский разделает меня под орех.
- Я не древообделочник! [Там же, с. 79]

Выражение *молить Бога* в стихах Маяковского превращается в целую сцену: «И, надрываясь / в метелях полуденной пыли, / врывается к богу, / боится, что опоздал, / плачет, / целует ему жилистую руку, / просит – / чтоб обязательно была звезда! – / клянется – / не перенесет эту беззвездную муку!» («Послушайте!»).

Достаточно часто употребляющееся сравнение злой, *как собака* тоже становится материалом для стихотворения:

Ну, это совершенно невыносимо!
 Весь как есть искусан злобой.
 Злюсь не так, как могли бы вы:
 как собака лицо луны гололобой –
 взял бы
 и все обвыл.
 <...>
 Что это за безобразие!
 Сплю я, что ли?
 Ощупал себя:
 такой же, как был,
 лицо такое же, к какому привык.
 Тронул губу,
 а у меня из-под губы –
 клык.

Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь.
 Бросился к дому, шаги удвоив.
 Бережно огибаю полицейский пост,
 вдруг оглушительное:
 «Городовой!

Хвост!»
Провел рукой и – остолбенел!
Этого-то,
всяких клыков почище,
я и не заметил в бешеном скаче:
у меня из-под пиджака
развеерился хвостище
и вьется сзади,
большой, собачий.
<...>
И когда, ощетинив в лицо усища-веники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я стал на четвереньки
и залаял:
Гав! гав! гав!
(«Вот так я и сделался собакой»)

Подобных примеров в творчестве Маяковского множество. Таким образом, единство его лирического героя базируется не только на единых чертах, а еще и на единых приемах и наполнении их в разных стихотворениях различным содержанием.

Для лирического героя Маяковского, если рассматривать его в сопоставлении с лирическими героями других поэтов, характерна большая активность, особенно в ранних стихотворениях: «У раннего Маяковского личного, субъективное начало возникает в произведениях не как подтекст; оно чрезвычайно активно. Все увиденное резко и подчеркнуто преломляется сквозь его, “маяковскую” призму. И тогда уже трудно сказать, что это – черта реальности или момент внутреннего переживания» [7, с. 48].

Связь лирического героя В. В. Маяковского и его реальной личности носит двусторонний характер: не только подробности биографии личности дают материал для поэтического воплощения лирического героя, но и лирический герой предопределяет поведение реальной личности. Речь идет о многочисленных выступлениях Маяковского на сцене, в ходе которых он выступал скорее в качестве героя своих произведений, чем реального человека. Выступления оставляли, по свидетельствам очевидцев, впечатление «огромности» Маяковского, громового голоса, что постоянно подчеркивается и в его стихах. Ранние выступления вызывали шок у публики, целый спектр всевозможных реакций – от восторга до драки. Эпатирующее поведение Маяковского на сцене (сигарета во рту, руки в карманах) гармонировало с эпатажностью его стихотворений того периода, точно так же, как уверенность его в себе как в одном из строителей нового общества в послереволюционный период вызывает его уверенное поведение на сцене.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 334 с.
2. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М.: Терра, 1994. 818 с.
3. Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского. М.: Рус. словари, 2000. 329 с.
4. Малахов С. А. Маяковский сражается, Маяковский смеется, Маяковский издается // Русская литература. 1993. № 3. С. 177–192.

5. Маяковский В. В. Стихи [Электронный ресурс] // Русская поэзия. URL: <http://ruroem.ru/mayakovskij/all.aspx>. (Дата обращения: 02.10.2016.)
6. Паперный З. О мастерстве Маяковского. М.: Сов. писатель, 1953. 443 с.
7. Паперный З. Поэтический образ у Маяковского. М.: Изд-во Академии наук, 1961. 511 с.
8. Правдина И. С. Спор поэтов (Блок и Маяковский) // Маяковский и советская литература. М.: Наука, 1964. С. 10–33.
9. Руднев В. Модернистская и авангардная личность как культурно-психологический феномен // Русский авангард в кругу европейской культуры / Научный совет по истории мировой культуры РАН. М., 1993. С. 189–193.
10. Тартаковский М. С. В поисках здравого смысла. М.: Моск. рабочий, 1991. 440 с.

**VLADIMIR MAYAKOVSKY'S RHETORIC:
SPEAKER – LYRICAL CHARACTER**

D. V. Ryabinicheva, Yu. V. Shuyskaya

Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov
the Department of Journalism History and Literature

The article is devoted to the questions of the interdependence of Mayakovsky's rhetorical devices of his lyrics and his public speeches. The authors outline common points of Mayakovsky's speaker image and his lyrical character.

Keywords: *Mayakovsky, lyrics, rhetoric, speaker image, lyrical character.*

Об авторах:

РЯБИНИЧЕВА Дарья Викторовна – соискатель кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, 21), e-mail: shujskaya@yandex.ru.

ШУЙСКАЯ Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, 21), e-mail: shujskaya@yandex.ru.

About the authors:

RYABINICHEVA Darya Viktorovna – Applicant at the Department of Journalism History and Literature, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Entusiastov shosse, 21), e-mail: shujskaya@yandex.ru.

SHUYSKAYA Yuliya Viktorovna – Candidate of Philology, Professor at the Department of Journalism History and Literature, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov (111024, Moscow, Entusiastov shosse, 21), e-mail: shujskaya@yandex.ru.